

Павленко Светлана Александровна

канд. психол. наук, интегративный психолог,
трансформационный коуч ІСТА, игропрактик
г. Жлобин, Республика Беларусь

DOI 10.31483/r-167259

СУВЕРЕННОСТЬ САМОСОЗНАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРАКТИК

***Аннотация:** на основе классических и современных социологических теорий анализируется суверенность самосознания как способность индивида к рефлексивной автономии в условиях цифровизации. Рассматривается влияние алгоритмических платформ на трансформацию идентичности и интериоризацию норм. Вводится понятие «цифровой конгруэнтности» – критерия аутентичности онлайн-присутствия. Эмпирические данные (трансформационные игры проекта MIRSIVETA, 2020–2025, n = 184) подтверждают эффективность игровых практик как инструмента развития рефлексивной автономии. Описывается портрет суверенной личности и её отличие от иных уровней самосознания. Обосновывается необходимость включения практик развития самосознания в социальную политику и образование.*

***Ключевые слова:** суверенность, самосознание, идентичность, цифровая среда, социология личности, социальное конструирование реальности, трансформационная игра, рефлексивная автономия, цифровая конгруэнтность.*

Современное общество переживает фундаментальную трансформацию, обусловленную повсеместной цифровизацией всех сфер социальной жизни. Социальные сети, алгоритмические платформы, экономика внимания создают принципиально новую среду обитания человека, в которой традиционные механизмы социализации и формирования идентичности оказываются деформированными. Социологи фиксируют феномен «индивидуализации» [2; 11], при котором индивид вынужден самостоятельно конструировать свою биографию, но при

этом попадает в ловушки алгоритмического управления, становясь объектом «надзорного капитализма» [9].

В этих условиях особую актуальность приобретает понятие *суверенности* – не в классическом политико-юридическом смысле, а как социологической характеристики личности, способной к автономному самоопределению и сохранению целостности «Я» перед лицом внешних давлений. Суверенность самосознания означает способность индивида к рефлексивной автономии [4], то есть к осознанию и пересмотру интериоризированных социальных программ и к выстраиванию собственной системы ценностей на основе внутреннего выбора, а не пассивного принятия внешних предписаний.

Цель статьи – представить социологический анализ суверенности самосознания в контексте цифровой среды, выделить критерии суверенной личности, а также обосновать трансформационные игры как социотехническую практику, способствующую развитию рефлексивной автономии. Задачи: 1) проанализировать классические и современные социологические подходы к идентичности и самосознанию; 2) выявить специфику воздействия цифровой среды на процессы интериоризации и конструирования идентичности; 3) описать портрет суверенной личности и её отличие от иных уровней самосознания в социологической перспективе; 4) представить эмпирические данные о развитии суверенности через трансформационные игры; 5) сформулировать социально-политические и педагогические рекомендации.

Теоретическую базу составляют труды Э. Дюркгейма [5] о социальной солидарности и аномии, М. Вебера [3] о рационализации и «расколдовании мира», П. Бергера и Т. Лукмана [1] о социальном конструировании реальности, Э. Гидденса [4] о рефлексивной модернизации, У. Бека [2] об обществе риска, З. Баумана [11] об индивидуализированном обществе, а также исследования цифровой среды С. Зубофф [9] и Б.-Ч. Хана [18]. Эмпирическую основу составляют данные, полученные автором в ходе применения трансформационных игр проекта MIRSVELTA (2020–2025 гг., n=184), а также материалы качественного анализа отзывов участников.

1. Социологические основания: идентичность и самосознание в контексте социального конструирования.

1.1. Идентичность как результат интериоризации.

В социологической традиции идентичность понимается как результат процесса социализации, в ходе которого индивид интериоризирует социальные нормы, ценности и роли, превращая их во внутренние регуляторы поведения. Э. Дюркгейм, рассматривая механизмы социальной интеграции, подчёркивал, что коллективные представления формируют сознание индивида, обеспечивая солидарность [5]. Однако в условиях современного общества, характеризующегося ослаблением традиционных институтов, этот процесс усложняется.

П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» показали, что идентичность формируется в процессе интериоризации объективированных социальных значений, которые затем субъективируются [1, с. 98–104]. Индивид рождается в уже готовый мир смыслов, и его идентичность есть результат непрерывного диалога между внешней социальной структурой и внутренним опытом. В цифровую эпоху этот диалог приобретает новые характеристики: человек одновременно находится в нескольких символических вселенных (различные платформы, алгоритмические рекомендации), каждая из которых предъявляет свои требования и предлагает свои идентификационные матрицы. Возникает феномен «фрагментированной интериоризации», когда индивид усваивает противоречивые нормативные системы, не имея возможности их интеграции.

1.2. Кризис идентичности в рефлексивной модернизации

Э. Гидденс в концепции «рефлексивной модернизации» утверждает, что в условиях поздней современности идентичность становится «рефлексивным проектом», который индивид вынужден постоянно пересобирать [4, с. 75]. Традиционные институты (семья, профессия, религия) перестают задавать устойчивые траектории жизненного пути, и человек оказывается перед необходимостью самостоятельно конструировать свою биографию. Это создаёт возможности для автономии, но одновременно порождает тревогу и неуверенность.

У. Бек вводит понятие «общества риска», показывая, что современный индивид сталкивается с глобальными рисками, которые невозможно предсказать или проконтролировать [2]. В таких условиях идентичность становится уязвимой, а её кризис – не исключением, а нормой. З. Бауман дополняет эту картину, описывая переход от «твёрдой» модерности к «текучей», где все социальные формы, включая идентичность, становятся временными и неустойчивыми [11, с. 45]. Человек вынужден постоянно «примерять» новые идентичности, не успевая их интегрировать.

В классической психосоциальной теории Э. Эриксона кризис идентичности рассматривался как нормативный этап развития, завершающийся обретением целостности [20]. Однако в условиях рефлексивной модернизации, как отмечает Гидденс, кризис может стать перманентным состоянием [4]. Это особенно актуально для цифровой среды, где алгоритмы постоянно подталкивают к смене ролей и образов.

1.3. Самосознание как социологическая категория: от онтологии к рефлексии.

Социология, в отличие от психологии, рассматривает самосознание не только как индивидуальную способность, но и как продукт социальных взаимодействий. Дж. Мид, развивая идеи символического интеракционизма, показал, что самосознание формируется через принятие роли другого и рефлекссию социальных ожиданий [цит. по 1]. Однако в современной социологии существует и более глубокая традиция, восходящая к феноменологии и экзистенциализму, которая различает идентичность (социально конструируемое содержание) и самосознание как онтологическое основание.

С этой точки зрения, самосознание – это не просто рефлексия социальных ролей, а способность выходить за их пределы, осознавая себя как нечто большее, чем набор идентичностей. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что индивид может «экстернализировать» свои идентичности, осознавая их как продукты социального конструирования [1, с. 114]. Это и есть первый шаг к суверенности – способности видеть свои идентичности как инструменты, а не как тюрьму.

2. Цифровая среда как социальный институт: новые механизмы конструирования идентичности.

2.1. Алгоритмическое управление и экономика внимания.

Цифровые платформы выступают не просто техническими посредниками, а полноценными социальными институтами, конструирующими реальность. С. Зубофф вводит понятие «надзорный капитализм», подчёркивая, что платформы извлекают прибыль из прогнозирования поведения пользователей [9]. Алгоритмы рекомендаций создают «пузырьковые фильтры», которые ограничивают доступ к альтернативным точкам зрения и формируют изолированные информационные среды.

С социологической точки зрения, это означает, что процессы интериоризации социальных норм выходят из-под контроля традиционных институтов (семьи, школы, религии) и переходят к алгоритмическим системам. Человек усваивает не столько ценности, транслируемые родителями или учителями, сколько те паттерны поведения, которые поощряются алгоритмами (лайки, репосты, комментарии). Происходит сдвиг от социального контроля к алгоритмическому.

2.2. Социальное сравнение и предрешённая идентичность.

Одним из ключевых механизмов формирования идентичности в цифровой среде является социальное сравнение. В классической социологии Ч. Кули и Дж. Мид показали, что «зеркальное Я» формируется через отражение в других. Однако цифровая среда радикально меняет этот механизм: объектами сравнения становятся не реальные люди из ближайшего окружения, а тщательно отредактированные образы, создаваемые алгоритмами и самими пользователями.

Как показывают исследования [19], это приводит к асимметричному сравнению: несовершенное, реальное «Я» сравнивается с тысячами совершенных, но фиктивных «Других». Следствием является хроническое ощущение неполноценности и зависимость от внешней валидации. В терминах социологии это можно рассматривать как форму аномии (Дюркгейм), когда нормативные ориентиры размыты, а индивид не может найти устойчивых критериев самооценки.

В этих условиях человек, стремясь избежать тревоги неопределённости, может «выбрать» одну из модных ролей, не проживая её внутренне. Это механизм формирования *предрешённой идентичности* (Дж. Марсия) в цифровом формате: идентичность не рождается изнутри, а заимствуется извне как модный товар. Такая идентичность хрупка и рушится при первых же неудачах, что усиливает социальную нестабильность.

2.3. Фрагментация «Я» и диффузия идентичности

Одним из наиболее разрушительных эффектов цифровой среды является фрагментация «Я». Человек существует одновременно на множестве платформ, каждая из которых требует создания специфического образа. Профессиональный образ в LinkedIn, неформальный – во ВКонтакте, эстетический – в Instagram. Эти «Я»-фрагменты часто не связаны между собой и могут противоречить друг другу. Алгоритмы каждой платформы подкрепляют и усиливают именно тот аспект личности, который на ней проявлен, создавая изолированные «эхо-камеры идентичности».

С социологической точки зрения, это прямое культивирование состояния *диффузной идентичности*. Человек перестаёт ощущать себя единым целым; он превращается в набор ситуативных ролей, переключаемых в зависимости от контекста. Исчезает внутренний стержень, который соединял бы эти роли. Ответ на вопрос «Кто я?» становится контекстуально зависимым, а целостная биографическая наррация утрачивается. Бын-Чхоль Хан называет это «эрозией ритуалов» и нарративов, ранее скреплявших идентичность [18].

2.4. Цифровая конгруэнтность как социологический критерий.

На основе гуманистической психологии К. Роджерса [14] введём понятие *цифровой конгруэнтности* – степени соответствия между подлинным, внутренне переживаемым «Я» человека и его самопрезентацией в цифровой среде. В социологическом ключе это можно рассматривать как меру аутентичности социального действия в цифровом пространстве. Высокая цифровая конгруэнтность предполагает осознанное и аутентичное проецирование своих ценностей,

убеждений и эмоций в онлайн-пространстве. Низкая конгруэнтность ведёт к разрыву между реальным и цифровым «Я», что является формой социальной аномии.

Дополнительными критериями выступают *осознанность* (понимание природы цифровых данных и алгоритмов, т.е. социологическая рефлексия) и *целостность* (способность интегрировать онлайн- и офлайн-опыт в единую биографию). Эти критерии могут служить основой для диагностики и развития суверенности, а также для оценки социальных последствий цифровизации.

3. Суверенность самосознания: социологический портрет и уровни.

3.1. Уровни самосознания в социальном контексте.

Опираясь на результаты многолетних исследований [13; 15; 16], выделим несколько уровней самосознания, которые различаются по степени рефлексивной автономии и способности к социальному взаимодействию.

Низший уровень (спящее сознание). Человек полностью отождествлён с социальными ролями и интроектами. Он не различает свои и навязанные желания, не осознаёт бессознательных программ. Его поведение управляется автоматическими реакциями, а кризис идентичности переживается как катастрофа. Социологически это соответствует состоянию аномии [5] или тотальной интериоризации без рефлексии.

Средний уровень (пробуждающееся сознание). Начинается рефлексия. Человек способен наблюдать за своими мыслями и чувствами, различать «свои» и «чужие» голоса. Он вступает в мораторий – активный поиск собственных ценностей. Однако может попадать в ловушку бесконечного поиска без принятия обязательств. Социологически это соответствует состоянию «рефлексивного проекта» (Гидденс) без его завершения.

Высокий уровень (суверенное сознание). Достигается способность к разотождествлению: человек осознаёт себя как чистое присутствие, «Свидетеля», который не сливается с идентичностями. Он гибко использует социальные роли, но не определяется ими. Его идентичность – результат осознанного выбора, основанного на ценностях. Он способен выдерживать неопределённость без тревоги,

не нуждается во внешней валидации. Социологически это соответствует состоянию «активного общества» [21], где индивид является субъектом, а не объектом социальных процессов.

3.2. Портрет суверенной личности.

Суверенная личность обладает следующими качествами, имеющими социологическое измерение:

– *рефлексивная автономия* [4]: способность осознавать основания своих выборов и при необходимости пересматривать их. Она не подчиняется авторитетам автоматически, но способна к сотрудничеству на основе осознанного согласия. Это форма «диалогической автономии» (Ю. Хабермас), где свобода не противостоит обществу, а реализуется через него;

– *идентификационная устойчивость*: сохраняет ядро «Я» при смене социальных ролей и контекстов. Даже в цифровой среде она не фрагментируется, поскольку помнит, что она – больше, чем любой профиль. Социологически это соответствует понятию «структурированной идентичности» (Э. Гидденс), где нарративная целостность обеспечивает устойчивость;

– *многомерная ответственность*: принимает последствия своих решений, включая их социальный и трансгенерационный эффект. Понимает, что её действия влияют на окружающих и будущие поколения. Это форма «солидарности» (Дюркгейм) на новом уровне – не механической, а органической, основанной на рефлексии;

– *цифровая конгруэнтность*: её онлайн-присутствие аутентично внутренним ценностям; она не играет роли ради лайков, а использует цифровые инструменты для самовыражения и общения. Это позволяет ей избегать разрыва между реальным и виртуальным «Я», который ведёт к аномии;

– *разотождествление*: умеет отличать себя от своих мыслей, эмоций, ролей. Это позволяет ей не впадать в тревогу при неудаче или критике, так как её ценность не привязана к конкретному образу. Социологически это можно рассматривать как способность к «экстернализации» идентичностей [1], позволяющую сохранять свободу;

– наличие внутреннего компаса: опирается на собственные ценности, а не на внешние оценки. Это не означает ригидности; ценности могут пересматриваться, но процесс пересмотра – осознанный, а не пассивный. Это условие для «активного гражданства» [21].

3.3. Отличие суверена от иных уровней.

Суверен отличается от пробуждающегося тем, что он не просто ищет, а уже нашёл внутреннюю опору, позволяющую ему не терять себя ни в офлайн-, ни в онлайн-мире. Он не отрицает идентичности, но владеет ими, а не они им. Это позволяет ему выступать не объектом социальных манипуляций, а субъектом социального действия.

Таблица

Критерий	Спящий уровень	Пробуждающийся	Суверен
Отношение к идентичности	Отождествлён с ролью	Ищет, пробует, сомневается	Осознанно использует роль
Реакция на внешнюю оценку	Зависит, тревожится	Колеблется	Внутренне устойчив
Способность к рефлексии	Отсутствует	Развивается	Интегрирована
Устойчивость к фрагментации	Низкая	Средняя	Высокая
Цифровая конгруэнтность	Низкая	Средняя	Высокая
Социальное действие	Пассивное, конформное	Поисковое, неустойчивое	Активное, осознанное

4. Трансформационные игры как социотехническая практика развития суверенности.

4.1. Социологическая интерпретация игрового метода.

Трансформационные игры представляют собой форму социального взаимодействия, которая может быть проанализирована в рамках социологической теории игр (Й. Хёйзинга, Д. Эльконин). Они создают «магический круг» – особое пространство, где временно приостанавливаются обычные социальные иерархии

и нормы, позволяя участникам экспериментировать с новыми формами поведения. С точки зрения социологии, это форма «социального эксперимента» в безопасной среде.

Разработанная автором «Система развития Самосознания» © включает 10 трансформационных игр, направленных на развитие девяти функций самосознания [13]. Игры используют механизмы метафорических карт, случайности (бросок кубика), групповой динамики и рефлексивных вопросов ведущего. Они создают пространство, где участник может выявить интериоризированные социальные программы и начать процесс их пересмотра.

4.2. Игровые механизмы как инструменты социологической рефлексии.

Метафорические карты активируют символическое мышление, позволяя участнику увидеть свои социальные роли и идентичности со стороны. Это соответствует процессу «экстернализации» (Бергер, Лукман), когда индивид выносит вовне то, что ранее казалось неотъемлемой частью себя.

Случайность (бросок кубика) моделирует непредсказуемость социальной реальности, тренирует способность к адаптации и рефлексии в условиях неопределённости – ключевого фактора общества риска [2].

Групповая динамика («зеркала») позволяет участникам увидеть множественность интерпретаций одной и той же ситуации, развивая децентрацию – способность учитывать разные социальные перспективы. Это основа для формирования гражданской солидарности.

Рефлексивные вопросы ведущего направляют самоисследование, переводя его в плоскость осознания социальной обусловленности своих выборов. Участник учится различать «свои» и «чужие» голоса, что является формой социологической рефлексии.

Структурированный путь (четыре круга матрицы, Лестница Иакова) символизирует поэтапное освобождение от социальных, родовых и психологических программ, что в социологическом ключе соответствует процессу обретения рефлексивной автономии [4].

4.3. Эмпирические данные о развитии суверенности.

В период 2024–2026 гг. было проведено исследование с участием 184 человек (контрольная группа – 124, экспериментальная – 60). Участники экспериментальной группы прошли полный цикл игровых практик. Результаты показали статистически значимые улучшения, которые можно интерпретировать как рост суверенности:

- удовлетворённость жизнью (SWLS): медиана увеличилась с 20 до 24 пунктов (+20%);
- субъективная оценка качества жизни (WHOQOL): медиана с 88 до 98 (+11,4%);
- депрессивные симптомы (шкала Бека): медиана снизилась с 10 до 4 пунктов (-60%);
- осознанность (CAMS, FFMQ): улучшения у 66–85% участников в зависимости от субшкалы;
- самооценка (шкала Розенберга): повысилась у 66,7% участников;
- интеллектуальная оценка риска: улучшения у 84% участников.

Корреляционный анализ выявил значимые связи между когнитивной и эмоциональной осознанностью и удовлетворённостью жизнью ($r=0,462$, $p<0,01$), а также между осознанностью и снижением депрессивных симптомов ($r=-0,424$, $p<0,01$). Эти данные свидетельствуют о том, что трансформационные игры эффективно развивают рефлексивные способности, лежащие в основе суверенности.

4.4. От фрагментации к целостности: социальный эффект.

Анализ отзывов участников показывает, что игровые практики способствуют:

- осознанию интроектов («Я всегда считала, что быть громкой – плохо, а в игре услышала голос мамы»);
- выявлению родовых сценариев («Дедушка потерял всё в войну, и в нашей семье деньги ассоциируются с опасностью»);
- переопределению границ («Впервые разрешила себе сказать «нет»);

– обретению внутреннего авторитета («Я поняла, что никто не даст мне разрешения быть собой, кроме меня самой»).

С социологической точки зрения, эти изменения означают переход от пассивного принятия социальных норм к активному их переосмыслению, от конформности к автономии, от фрагментации к целостности. Это создаёт предпосылки для формирования активного гражданского общества, где индивиды являются не объектами управления, а субъектами социального действия.

5. Социальное измерение: от суверенности личности к устойчивому сообществу.

5.1. Суверенность как ресурс социальной интеграции.

Развитие суверенности самосознания имеет не только индивидуальное, но и социальное значение. В условиях «общества риска» [2] и рефлексивной модернизации [4] способность к автономному выбору и ответственности становится ключевым ресурсом для социальной интеграции. Исследования показывают, что люди с развитым самосознанием демонстрируют более высокую жизнестойкость (resilience), лучше справляются с кризисами и вносят больший вклад в развитие сообществ [17].

Суверенная личность не склонна к аномии [5], поскольку её автономия не отрицает социальных связей, а предполагает их на основе осознанного согласия. Она способна к диалогу, уважению других границ, но при этом сохраняет критическую дистанцию, что необходимо для здорового функционирования гражданского общества. В терминах Э. Дюркгейма, это переход от механической солидарности (основанной на сходстве) к органической (основанной на взаимозависимости), но на новом уровне рефлексии.

5.2. Трансформационные игры как площадка для социального диалога.

В рамках проекта MIRSVETA игры проводятся не только для индивидуального развития, но и для работы с социальными группами. Участники из разных профессиональных, возрастных и социальных слоёв встречаются в игровом пространстве, где временно приостанавливаются обычные иерархии и создаётся атмосфера доверия. Это позволяет обсуждать актуальные социальные проблемы

(экология, образование, социальная справедливость) в безопасной обстановке, генерировать коллективные решения и брать на себя ответственность за их реализацию.

Такой формат способствует формированию активного сообщества, где каждый голос имеет значение. Участники учатся не только выявлять проблемы, но и искать пути их решения, что является ключевым аспектом развития социально ответственного поведения. С социологической точки зрения, это форма «социального капитала» [П. Бурдьё], создающая ресурс для коллективных действий.

5.3. Перспективы: от цифровой грамотности к цифровой мудрости.

Конечная цель социальной политики и образования сегодня – не помочь человеку создать «успешную цифровую идентичность», а помочь ему достичь такого глубокого и устойчивого самосознания, которое не может быть поколеблено никакими лайками, трендами или алгоритмами. Это переход от цифровой грамотности к *цифровой мудрости* – способности использовать мощнейшие инструменты современности для обогащения, а не разрушения своей личности.

Развитие суверенности самосознания становится не просто психологической задачей, но и важным направлением социальной политики. Инвестиции в образование, направленное на развитие рефлексии, критического мышления и эмоционального интеллекта, могут рассматриваться как стратегический выбор общества, стремящегося сохранить человеческий потенциал в эпоху цифровой трансформации.

Заключение.

Проведённый социологический анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Цифровая среда трансформирует классические механизмы социализации и формирования идентичности. Алгоритмическое управление, экономика внимания и фрагментация «Я» подталкивают индивида к незрелым статусам идентичности (предрежённость, диффузия), что в социологической перспективе может рассматриваться как новая форма аномии.

2. Суверенность самосознания выступает ключевым ресурсом, позволяющим человеку сохранять целостность «Я» в условиях цифровой фрагментации. Она включает способность к рефлексивной автономии [4], разотождествлению с навязанными идентичностями, цифровую конгруэнтность и опору на внутренние ценности. Социологически суверенность соответствует переходу от пассивного объекта социальных воздействий к активному субъекту социального действия.

3. Портрет суверенной личности существенно отличается от характеристик «спящего» и «пробуждающегося» уровней самосознания. Суверен не отрицает идентичности, но владеет ими осознанно, что делает его устойчивым к манипуляциям и способным к конструктивному социальному взаимодействию.

4. Трансформационные игры, разработанные в рамках «Системы развития Самосознания», доказали свою эффективность как социотехнический инструмент развития суверенности. Эмпирические данные свидетельствуют о значительном повышении осознанности, удовлетворённости жизнью и снижении депрессивной симптоматики у участников.

5. Развитие суверенности имеет не только индивидуальное, но и социальное значение. Суверенные личности становятся основой для формирования активного, ответственного сообщества, способного к диалогу и решению сложных социальных проблем. Это создаёт предпосылки для перехода от общества потребления к обществу со-творчества.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку социологических методов измерения суверенности, адаптацию трансформационных игр для различных социальных групп (подростки, пожилые, люди в кризисных ситуациях) и интеграцию игровых практик в образовательные программы и социальную политику.

Список литературы

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. EDN RAYTKJ

3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: АСТ, 2021. – 352 с.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир / Э. Гидденс. – М.: Весь Мир, 2004. – 120 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
6. Деси Э. Самодетерминация: психология мотивации и благополучия / Э. Деси, Р. Райан. – СПб.: Питер, 2021. – 384 с.
7. Евстратова Ю.А. Человеческая идентичность в цифровую эпоху: гуманитарные и социальные аспекты: монография / Ю.А. Евстратова, Н.Н. Исаева, И.В. Власова. – М.: Инфра-М, 2024. – 140 с.
8. Зубофф С. Эпоха надзорного капитализма: борьба за будущее человечества на новом рубеже власти / С. Зубофф. – Нью-Йорк: PublicAffairs, 2019. – 704 с.
9. Кабат-Зинн Дж. Осознанность для начинающих: возвращение настоящего момента и вашей жизни / Дж. Кабат-Зинн. – Боулдер: Sounds True, 2012. – 200 с.
10. Марсия Дж.Э. Идентичность в подростковом возрасте / Дж.Э. Марсия // Справочник по психологии подростков / под ред. Дж. Адельсона. – Нью-Йорк: Wiley, 1980. – С. 159–187.
11. Нартова-Бочавер С.К. Психология суверенности: десять лет спустя / С.К. Нартова-Бочавер. – М.: Смысл, 2021. – 288 с.
12. Павленко С.А. Влияние игровых практик на развитие самосознания личности: дис. ... канд. психол. наук / С.А. Павленко. – Ярославль: МАПН, 2025. – 187 с.
13. Павленко С.А. Цифровая идентичность как социокультурный конструкт: глубокий анализ и образовательные альтернативы в эпоху цифровизации / С.А. Павленко // Социальная психология и общество. – 2024. – №2. – С. 45–62.
14. Павленко С.А. Кризис идентичности в цифровой среде: от алгоритмической диффузии к аутентичной направленности через практику осознанности / С.А. Павленко // Психологические исследования. – 2025. – №1. – С. 22–39.

15. Павленко С.А. Социально ответственные игры: от развлечения к изменению реальности / С.А. Павленко // Современная социология: новые вызовы и практики. – 2025. – №3. – С. 78–94.

16. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс. – М.: Прогресс, 1994. – 480 с.

17. Хан Б.-Ч. Психополитика: Неoliberalизм и новые технологии власти / Б.-Ч. Хан. – М.: Ad Marginem Press, 2022. – 144 с.

18. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

19. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy – and Completely Unprepared for Adulthood / J.M. Twenge. – New York: Atria Books, 2017. – 400 p.

20. Etzioni A. The Active Society / A. Etzioni. – New York: The Free Press, 1968. – 698 p.